

ПСИХОЛОГІЯ

УДК 159.9:34

И. А. КИБАК,

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии и педагогики
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь

НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИИ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Рассмотрены научные основы психологии законоотворчества – история становления и проблемы развития. Дан краткий обзор основных направлений рассматриваемых проблем, которые исследованы в работах выдающихся личностей по истории законодательного процесса: отечественных и зарубежных ученых-правоведов и психологов. Раскрыты основные условные периоды становления и развития психологии законоотворчества.

КИБАК І. О. НАУКОВІ ОСНОВИ ПСИХОЛОГІЇ ЗАКОНОТВОРЧОСТІ: ІСТОРІЯ СТАНОВЛЕННЯ ТА ПРОБЛЕМИ РОЗВИТКУ

Розглянуто наукові підстави психології законоотворчості – історія становлення та проблеми розвитку. Подано короткий огляд основних напрямків даних проблем, досліджених у роботах визначних особистостей з історії законодавчого процесу: вітчизняних і зарубіжних учених-правознавців і психологів. Розкрито основні умовні періоди становлення й розвитку психології законоотворчості.

KIBAK I. SCIENTIFIC BASIS OF LAWMAKING PSYCHOLOGY: FORMATION HISTORY AND DEVELOPMENT PROBLEMS

This article deals with scientific basis of lawmaking psychology – formation history and development problems. There is a brief review of the main branches of the given issues that have been researched by prominent figures of lawmaking history, by domestic and foreign lawyers and psychologists. The main formation and development stages of lawmaking psychology are disclosed.

Психологические аспекты законоотворчества всегда были в центре общественного внимания. Остро ощущая недостаток правовых знаний при подготовке законопроектов, принятии законодателем правовых решений, объективно появляется потребность применения дополнительных знаний из естественных наук, из области психологии. Использование научных психологических подходов в сфере законоотворчества имеет длительную историю.

Первый условный период становления и развития психологии законоотворчества. Основы теоретического осмысления сущности права и правосознания были заложены известными античными мыслителями, которые эффективность закона связывали с естественными (психологическими) законами поведения людей. По существу, психологизированная сущность права была раскрыта еще древнеримскими правоведами в ее формуле: *jus est ars boni et aequi* (право есть искусство добра и справедливости). Рационалистические идеи о природе человеческого поведения высказывает Сократ, затем Протагор ставит проблему связи

законов и представлений людей о справедливости. Платон указывает на рациональные способности человека как основу его правового поведения, а Аристотель – на особый «склад души, при котором люди склонны к правосудным поступкам, совершают правосудные дела и желают правосудного» [1, с. 145]. Много усилий в законотворческую деятельность вложили такие известные правоведы и ораторы Древнего Рима, как Марк Туллий Цицерон, Гальба, Карбон, Катон Старший, Квинт Гортензий и др. Римскими авторами был обоснован такой существенный аспект равенства, как всеобщность и единство требований закона. «Под действие закона, – утверждал Цицерон, – должны подпадать все» [2, с. 139].

Однако в период Средневековья, во время формирования абсолютных монархий, сложилось этатистское понимание права. Считалось, что в условиях местнического самочинства и самоуправства человеку лучше уступить свои права неограниченному монарху, получив от него защиту жизни и имущества. Поведение подданных стало жестко регламентироваться

государством: возникла цензура, утвердилась система ограничений гражданской жизнедеятельности. Правом стала именоваться система государственно-нормативных ограничений человеческого поведения. В управлении обществом возобладал принцип «все, что не разрешено, – запрещено».

Русская история развития государства и права также свидетельствует о том, что законодательная техника имела глубокие корни, свои особенности развития, к которым можно отнести нормативное построение предложений, наличие специальных заголовков статей, специальных правовых терминов; преамбулы, разделение текстов на статьи в первых кодифицированных актах – Судебниках 1497 и 1550 гг. [3, с. 213–231]. Большая работа по технико-юридическому оформлению законодательства была проведена при Петре I, Екатерине II и Александре II. В Наказе Комиссии по составлению проекта нового Уложения Екатерина II наставляет: «Всякий закон должен написан быть словами, вразумительными для всех»; «Законы делаются для всех людей, все люди должны по оным поступать – следовательно, надобно, чтобы все люди оные и разуметь могли» [4, с. 133–134]. Еще в XIV–XV вв. к закону предъявлялось требование минимальной нравственности и психологизации.

Свою историю представительных органов власти имеет и средневековая Литва (современная Беларусь). В эпоху Возрождения на землях современной Беларуси появились такие выдающиеся личности, как Ф. Скорина, Н. Гусовский, М. Литвин, А. Волан, А. Олизаровский, С. Будный, Л. Сапега и др. Их труды – важный вклад в развитие отечественной политической и правовой мысли в целом и в развитие идей о правах человека в частности [5]. В 1522 г. при Великом князе Жигимонте I на Виленском сейме обсуждался постатейно I свод законов – Статут Великого Княжества Литовского, а в действие введен 29 сентября 1529 г. в следующие статуты – 1566 и 1588 гг. вошли нравственно-правовые нормы, которые несколько ограничивали своеволие магнатов, объявлялись правила, в соответствии с которыми люди всех сословий должны были обращаться в суд.

Второй условный период становления и дальнейшего развития психологии законодательства можно отнести к эпохе Нового времени и Просвещения. Философами Нового времени была поднята проблема психологических источников «естественного права» и

установленных законов. Значительную роль в развитие философско-правовой мысли сыграли идеи Гуго Гроция – пионера рационалистического естественного права. Г. Гроций определяет естественное право как «предписания здравого разума» [6, с. 71]. Томас Гоббс видит основания естественных прав в природных инстинктах людей, в их личных интересах, которые для достижения согласия необходимо укротить. Против такого понимания законов выступал Дж. Локк, согласно которому законодательные установления не «укрощают» природу человека, а являются выражением этой природы [7, с. 34]. Прогрессивные мыслители начинали понимать, что оздоровление общества может произойти лишь на основе освобождения жизнедеятельности людей от подчинения и господства и формируют современную концепцию либерализма и правового государства.

Философы эпохи Просвещения много внимания уделяли анализу психологических основ законодательства и правоприменительной практики. Эту проблематику разрабатывали в своих трудах Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Ф.-М. Вольтер. Они убедительно показали, что если право является возведением в закон воли правителя, то такое право ничуть не лучше, чем полное бесправие.

В идейно-философском отношении перемены были провозглашены философией Просвещения, в либеральных и естественно-правовых теориях; в конституционно-правовом плане они получили выражения в американской Конституции (1787) и Билле о правах (1789), французской Декларации прав человека и гражданина (1789). Принятая Декларация оказала огромное влияние на политическое и правовое развитие многих стран. Утверждалась новая правомировоззренческая парадигма: отношения в обществе могут регулироваться только таким законом, который основан на «природе и психологии человека».

Существенное обновление и развитие теоретических положений в области права, государства связано с деятельностью выдающегося немецкого философа Г. Гегеля. В своем произведении «Философия права» Г. Гегель исследует *влияние психологического фактора на процесс применения законов*, в котором большое место занимают «субъективное убеждение и совесть» [8, с. 261], а позднее Г. Гегель провозгласил: «Человек должен найти в праве свой разум» [8, с. 236].

Английский философ Иеремия Бентам

известен своими идеями утилитаризма. Он был убежден в несостоятельности метафизических представлений о праве и построил философию права на основе опыта, провозгласив верховным принципом «пользу», данную человеку во врожденных чувствах удовольствия и страдания. К первому человек стремится, второго избегает. И. Бентам «для политики и морали сделал то, что Бекон для естественных наук. И. Бентам оказал на законодательство такое же влияние, как А. Смит на политическую экономию» [9, с. 92]. Применяя понятие полезности к законодательству (гражданскому, уголовному, конституционному) и соотнося пользу со справедливостью, Ж. Карбонье осуществил «переход» от факта к праву. По его мнению, польза измерима, а следовательно, измерима и законодательная работа, нужно лишь изучить, какие психологические последствия в обществе вызывает введение нового закона.

Методологические психологические основы законодательной деятельности были также заложены в работах Ш.-Л. Монтескье, Р. фон Иеринга и других видных представителей философской и правовой науки Европы. Они сформулировали важнейшие принципы составления законов и правил законодательной техники, которые и сегодня не потеряли своей актуальности.

Английский философ и социолог Г. Спенсер в очерке «Грехи законодателей» поднял вопрос о профессиональной подготовке законодателей. Приведя многочисленные примеры того, как юридические законы наносили значительный ущерб интересам отдельных граждан и обществу, он заметил, что «ответственность же законодателей за зло, которое они могут причинить, мы определяем с большим снисхождением. Нам обычно и в голову не приходит осуждать их за зло, причиненное принятыми ими законами» [10, с. 129–136].

Видным представителем психологического направления в законотворчестве является французский социолог Габриэль Тард. Широкую известность и признание принесла его книга «Законы подражания» (1890). Социальные связи и процессы Г. Тард объяснил действием механизма подражания в обществе. Он считал, что «общество – это подражание», а право – «не более как один из видов склонности человека к подражанию» [11, с. 74]. В работе «Социальная логика» Г. Тард высказал некоторые соображения о возникновении права и законодательной деятельности. С его точки зрения, «проект закона следовало бы

принимать только после некоторого периода его освоения со средой» [11, с. 137].

Вслед за Г. Тардом выдающийся историк, социолог и правовед М. М. Ковалевский выдвигает психологические законы поступательного развития общества, которые он сводит к открытию и подражанию: «На любом юридическом институте можно проследить одновременно роль открытия, приспособления и подражания» [12, с. 67].

Основоположники исторического материализма К. Маркс и Ф. Энгельс, отмечая важную роль правовой психологии в жизни общества, делают акцент на вскрытии объективных оснований как правовой психологии, так и самого права. В своих работах они убедительно доказали обусловленность правового сознания содержанием и уровнем развития экономических и политических отношений общества.

Хорошо известна выдающаяся деятельность М. М. Сперанского по приведению в стройную систему российского законодательства. В 1830 г. было издано Полное собрание законов Российской империи в 45 томах, а через непродолжительное время был подготовлен первый Свод законов Российской империи. Снабжение его алфавитными хронологическими и сравнительными указателями стало заметной новинкой юридической техники для своего времени [13, с. 39–40]. Со второй половины XIX в. начал регулярно издаваться источник текущего законодательства – Собрание узаконений и распоряжений правительства. Все эти масштабные работы по созданию современной правовой системы России, ее упорядочению и технико-юридическому совершенствованию возникли не на пустом месте. Теоретическим фундаментом этой деятельности послужили труды М. М. Сперанского, К. А. Неволлина, Е. В. Васильевского, Г. Ф. Шершеневича, Ф. В. Тарановского, М. А. Унковского, Н. И. Коркунова и многих других выдающихся русских юристов и государственных деятелей.

Просветительская философия права провозгласила: право должно содержать не столько запреты, сколько признания – дозволения. Каждый член общества должен признаваться как интеллектуально и нравственно полноценное существо. Правотворческая деятельность – это не изобретение произвольных «правил игры», она объективно обусловлена закономерностями межличностных отношений, тенденциями их развития. Таковы основы

современного правового мировоззрения, зародившиеся в эпоху Просвещения на развалинах средневековой монархически-государственной правовой идеологии.

Третий условный период становления психологии законоотворчества можно отнести к концу XIX – началу XX вв. В тесной связи с социологической теорией права и в ее рамках получила широкое распространение психологическая теория права, которая сводит право целиком к индивидуальной психике. На основе новой правовой идеологии зарождается специализированная отрасль психолого-юридических знаний. Начинает осознаваться необходимость психологических знаний в законоотворчестве.

В конце XIX в. в России формируется *психологическая школа права*. Ее родоначальником и наиболее ярким представителем стал юрист и социолог Лев Иосифович Петражицкий (1867–1931). В работе Л. И. Петражицкого «Введение в изучение права и нравственности: эмоциональная психология» утверждается, что науки о праве и государстве должны базироваться на анализе психических явлений [14, с. 131]. Как писал Л. И. Петражицкий, «право есть психический фактор общественной жизни, и оно действует психически» [15, с. 7]. В этой связи право рассматривалось им как продукт «бессознательно-удачного социально-психического давления в направлении социально необходимого поведения». Он впервые обосновал способ психологического изучения права и на основе этого создал психологическую теорию права в ее цельности. Его теория является значительным и оригинальным явлением современной юриспруденции.

Ярким примером сплава психологической и социологической теорий является американский и скандинавский «реализм» [16, с. 192]. В скандинавской школе социологии права большое значение придавалось изучению правовой интуиции и правовых переживаний как основополагающих феноменов. В американской юридической науке вопросы психологических основ права стали предметом исследований, проводимых в рамках такого научного направления, как правовая реализм. Ученые этой школы указывали на значение субъективных факторов в процессах правотворчества и правоприменения, результатом чего является неопределенность и отсутствие единообразия в юридической практике.

Проблемы психологии законоотворчества активно разрабатывались в западной филосо-

фии и юридической науке. Так, в Германии в начале XX в. получили широкое распространение концепции, в которых большое место в объяснении правовых явлений отводилось психологическим феноменам. Центральными в этих теориях выступали понятия «правовой инстинкт», «правовое сознание», «правовое чувство».

Говоря о психологии законоотворчества, нельзя также не упомянуть и о таком прикладном направлении, оказавшем влияние на ее развитие, как психотехника (В. Штерн, Г. Мюнстерберг и др.), которая в начале XX в. все больше привлекала внимание психологов, работавших в области психологии труда. С помощью исследований в этой области могут быть созданы благоприятные предпосылки для изучения профессиональных качеств субъектов права (депутатов) с целью разработки практических рекомендаций по их обучению.

В советской науке разработка проблем психологии законоотворчества началась в 20-х годах прошлого века. В работах Г. М. Андреевой, В. А. Артемова, В. М. Бехтерева, Л. Н. Войтоловского, М. А. Рейснера и других ученых ставилась проблема социально-психологических основ функционирования правовых отношений, анализировались особенности коллективных правовых представлений, убеждений, эмоциональных проявлений.

Четвертый условный период развития психологии законоотворчества начинается с 60-х гг. XX в. После некоторого спада в изучении различных аспектов правовой психологии с конца 60-х годов данная проблематика вновь становится предметом внимания многих ученых. Проблемы психологии законоотворчества разрабатывались учеными в нескольких направлениях в рамках таких научных дисциплин, как правовая психология, политическая психология, социальная психология, социальная философия и социология права.

В основу принципиальных концептуально-методологических и теоретических положений психологии законоотворчества положены: деятельностный подход, разработанный С. Л. Рубинштейном, А. Н. Леонтьевым и другими российскими психологами; разработки Е. А. Климова о наличии особой «картины мира профессиональной общности» и положения А. А. Бодалева и А. А. Деркача о роли субъективных факторов, способствующих или препятствующих достижению субъектом вершин профессионального мастерства; психологическая концепция общения и социальной

перцепции, разработанная Г. М. Андреевой, А. А. Бодалевым, В. Н. Куницыной, Л. А. Петровской; положение К. А. Абульхановой-Славской, А. Я. Гуревича о наличии общих для представителей одной общности способов восприятия и особенностей образа мыслей, выражающихся для данной общности способах поведения.

Попытки особого осмысления парламентского (законотворческого) процесса можно встретить у К. Ясперса, А. Камю, Э. Фромма. Так, К. Ясперс видит в политике выражение некой обобщенной воли, характеризующейся «устойчивой тенденцией неуклонности». Он выделяет следующие типы лидеров: лидеров – выразителей ситуации или минутного веления многих, с изменением которой они исчезают; лидеров-демагогов; лидеров силового плана, обладающих фактической властью.

Для современной психологии законотворчества актуальна трансформируемая из 60–80-х годов *ролевая теория политики*. Психология законотворчества может использовать ролевую теорию политики наряду с методом переключения ролей, разработанным Б. Коэном и А. Раппапортом как метод разрешения конфликтов.

Предпосылкой для создания психологизированной теории политики может стать *парламентский бихевиоризм*. Основной его задачей является изучение индивидуального поведения депутата в законодательном органе с привлечением собственно психологических методов, являющихся основой психотехнологии законотворчества.

Когнитивистское направление может исследовать процесс *парламентского мышления*. Согласно общим взглядам психологов этой школы, выбор модели парламентского поведения опосредуется теми взглядами и ценностями, которые составляют содержание сознания человека. Среди антипозитивистских ориентаций важное место принадлежит представителям *гуманистической психологии*, которые считают, что при анализе закона следует брать во внимание эмоционально-мотивационную сферу личности. Большое влияние на законодателей и психологов данной школы оказали идеи А. Маслоу об иерархии потребностей и ненаправленная психотерапия К. Роджерса. Их идеи были реакцией на бихевиористскую трактовку личности как пассивного объекта воздействия среды и подчеркивали самостоятельную ценность активности личности.

Повышение активности законотворческой

деятельности наступило в период преобразований, получивших название «перестройка» (1985–1991 гг.). «Перестройка идет по многим направлениям. Изменяется психология людей, возрастает их активность, сознательность, ответственность и интенсифицируется духовная сфера, развивается политико-правовая мысль, предъявляются новые требования к качеству советских законов», – писал в 1987 г. российский ученый Н. И. Матузов [17, с. 4].

Современный период развития белорусской парламентской истории начинается с 1994 г., который характеризуется становлением и развитием законодательной ветви власти. Три созыва Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь не только заложили правовой фундамент белорусской государственности, но и во многом сформировали традиции парламентской (законотворческой) деятельности, политической и правовой культуры, нормы парламентской этики. Парламентаризм обрел не только внутреннюю структуру, но и культурно-психологические корни при подготовке, обсуждении и принятии законопроектов, законодательных решений.

Развитие до последнего времени юридико-психологических исследований отличалось серьезными внутренними противоречиями. С одной стороны, на уровне постановки проблемы признавалось, что эта наука имеет своим предметом закономерности и механизмы психической деятельности, которые проявляются в поведении, регулируемом правом; в этой связи отмечалось и значение «раскрытия психолого-юридической сущности фундаментальных категорий права» [18, с. 215]. С другой стороны, при определении системы психологии законотворчества, выделении ее приоритетов эта задача иногда игнорировалась. Достаточно интенсивно развивались такие направления, как криминальная психология, судебная психология, исправительная психология. На стыке с социологией развертывается юридико-психологическое изучение общественного мнения, в том числе профессионального. Появились научные исследования российских и белорусских ученых социально-психологического характера в такой специфической сфере, как законотворческая деятельность [13; 19; 20; 21].

На этом фоне парадоксом выглядело отсутствие исследований, предметом которых были бы психологические основы формирования норм и институтов права, лежащих в основе законотворчества и служащих понятийными

определениями для исследований механизма психологии законотворчества и общественного мнения о необходимости разработки проектов законов. Существенная роль в исследовании законотворческих проблем должна отводиться вопросу психотехнологии законотворчества – «психологизации» правовых норм, разработки правовых новаций, теории и практики, а также критериев и показателей эффективности применения правовых норм.

Во многом это обусловлено особенностями исторического пути развития правовой психологии. Во-первых, в течение достаточно длительного периода значительное число исследований этой проблематики осуществляли не профессиональные психологи в области законотворчества. В то же время ученые-юристы признавали важность интегративности свойств, необходимость влияния норм права на психологию людей, их сознание, мотивы поведения, отношения и, как следствие, на их правомерное или правонарушающее поведение. Во-вторых, обоснованная критика взглядов психологической школы права, некорректно излагающей соотношение психологических и социальных основ права, сформировала достаточно устойчивое негативное отношение профессиональных психологов к изучению закономерностей правовой психологии. В-третьих, негативную роль сыграла жесткая официальная оценка ошибок принятия во внимание законодателем психологических основ в законотворчестве. Также до настоящего времени не принят закон самими законодателями, который мог бы регулировать эти отношения. Депутатская неосведомленность, искаженное понимание, ошибочность толкования законов могут вызывать отставание психологии законотворчества. И наконец, осознанное нежелание субъектов права учитывать психологическую культуру и психологичность правовых норм в законопроектах. Но, так или иначе, ее восприятие специалистами в области правовой психологии оказалось достаточным прочным и длительным.

Психологические проблемы законотворчества многочисленны и многообразны. Они охватывают социально-психологические

аспекты законотворческой деятельности; правосознания и правового поведения личности депутата; взаимоотношений и взаимодействия между людьми в системе социально-правовых связей и пр. Право и все правовые акты эффективны по своему регулиющему влиянию, если его психологический эффект адекватен, то есть отвечает специфике психологии людей, групп, общностей, народа, если обеспечивает понимание, одобрение, правомерное поведение их. Современные политологи отмечают, что «в законодательной практике и практике правоприменения необходимо учитывать психологию людей, групп населения, всего народа. Значение имеет не учет каких-то частных, но культурно-исторический менталитет народа, базовые психологические особенности общностей и граждан, их психическое состояние, настроения, общественное мнение, социальные ожидания, интересы, уровень развития правовой психологии. Непродуктивно и даже опасно создавать законы, к восприятию и исполнению которых люди и общество психологически не готовы, но и отставание правового регулирования от жизненных реалий не менее пагубно» [22, с. 370–371].

Этот небольшой историко-методологический экскурс в существо проблемы психологии законотворчества показывает ее глобальность и многогранность. Психология законотворчества в своем арсенале имеет достаточно обоснованный и определенный понятийный аппарат. В него входят категории собственно психологии законотворчества, основные понятия, а также востребованные категории смежных, прежде всего гуманитарных наук.

Отмеченные и многие другие аспекты нуждаются в тщательном изучении, уточнении и расширении в рамках психологии законотворчества. Все они могут послужить ориентирами в повышении роли психологии законотворчества как интегративной теории, методологии и продуктивной законотворческой практики. Для выполнения своей миссии психология законотворчества применяет те методы, которые в совокупности составляют целостные психотехнологии.

Литература

1. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель // Собрание сочинений : в 4 т. Т. 4. – М., 1983.
2. Цицерон. Диалоги / Цицерон. – М., 1966.
3. Прянишников Е. А. Законодательная техника : науч.-практ. пособие / Е. А. Прянишников. – М., 2000.
4. Императрица Екатерина II. О величии России / Императрица Екатерина II. – М., 2003.
5. Вішнеўскі А. Ф. Гісторыя дзяржавы і права ў дакументах і матэрыялах (са старажытных часоў да нашых дзён) / А. Ф. Вішнеўскі, Я. А. Юхо. – 2-е выд. – Мінск, 2003.
6. Гроций Г. О праве войны и мира / Г. Гроций. – М., 1956.

7. Локк Дж. Избранные философские произведения / Дж. Локк. Т. 2. – М., 1960.
8. Гегель Г.-В.-Ф. Философия права / Г.-В.-Ф. Гегель. – М., 1990.
9. Левенсон П. Я. Беккариа и Бентам. Их жизнь и деятельность / П. Я. Левенсон. – СПб., 1893.
10. Спенсер Г. Грехи законодателя / Г. Спенсер // Социологические исследования. – 1992. – № 2. – С. 129–136.
11. Тард Г. Законы подражания / Г. Тард ; пер. с фр. – СПб. : Ф. Павленков, 1892.
12. Ковалевский М. Социология / М. Ковалевский. Т. 1. – СПб., 1910.
13. Сперанский М. М. Руководство к познанию законов / М. М. Сперанский. – СПб., 2002.
14. Исаев И. А. Из истории юридической психологии в России. Рациональное и иррациональное в психологической теории права Л. И. Петражицкого / И. А. Исаев // Психологический журнал. – 1986. – № 4. – С. 130–135.
15. Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии / Л. И. Петражицкий. – 2-е изд. – СПб, 1907.
16. Зорькин В. Д. Позитивистская теория права в России / В. Д. Зорькин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978.
17. Матузов Н. И. Правовая система и личность / Н. И. Матузов. – Саратов, 1987.
18. Еникеев М. И. Юридическая психология : учеб. для вузов / М. И. Еникеев. – М. : НОРМА, 2000.
19. Косопкин А. С. Психология парламентского законотворчества / А. С. Косопкин. – М. : Наука, 2006.
20. Савченко И. С. Политическая власть: механизм профессиональной парламентской деятельности : монография / И. С. Савченко. – М. : Интеграция, 2006.
21. Тихомиров Ю. А. Законодательная техника: науч.-практ. пособие / Ю. А. Тихомиров. – М. : Городец, 2000.
22. Социальная психология / [под ред. А. М. Столяренко]. – М., 2001.

Надійшла до редколегії 23.05.2010

УДК 159.922.6:351.74

Л. П. ЧЕПІГА,

*кандидат психологічних наук,
доцент кафедри загальної та прикладної психології і педагогіки
навчально-наукового інституту права, економіки та соціології
Харківського національного університету внутрішніх справ*

ОСОБЛИВОСТІ ЖИТТЄСТІЙКОСТІ СПІВРОБІТНИКІВ ОВС, ЯКІ ПЕРЕЖИВАЮТЬ БІОГРАФІЧНІ КРИЗИ В ПЕРІОД ПЕРЕХОДУ ДО СЕРЕДНЬОЇ ДОРОСЛОСТІ

Наведено результати вивчення особливостей життєстійкості у співробітників органів внутрішніх справ, які переживають біографічні кризи. Показано, що переживання співробітниками ОВС біографічних криз у період переходу до середньої дорослості підвищує ризик виникнення стресу та порушення працездатності.

ЧЕПІГА Л. П. ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ СОТРУДНИКОВ ОВД, КОТОРЫЕ ПЕРЕЖИВАЮТ БИОГРАФИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА К СРЕДНЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

Представлены результаты изучения особенностей жизнестойкости у сотрудников органов внутренних дел, которые переживают биографические кризисы. Показано, что переживание сотрудниками ОВД биографических кризисов в период перехода к средней взрослости повышает риск возникновения стресса и нарушения работоспособности.

CHEPIGA L. PECULIARITIES OF HARDINESS AMONG POLICE OFFICERS, WHO EXPERIENCE BIOGRAPHIC CRISES IN THE PERIOD OF PASSING TO MIDDLE GROWN

Some results of studying peculiarities of hardiness among police officers, who experience biographic crises are presented. It is shown that experience of biographic crises by police officers in the period of passing to middle grown increases the risk of appearing stress and violation of capacity.

Професійна діяльність співробітників органів внутрішніх справ (далі – ОВС), яка протікає в напружених, часто екстремальних ситуаціях, ставить завищені вимоги до здатності особистості витримувати стресову си-

туацію, зберігаючи внутрішню збалансованість і не знижуючи успішність діяльності. Такою ключовою особистісною змінною, що опосередковує вплив стресогенних чинників на успішність діяльності, є життєстійкість [1].